

ПЕЩЕРА ФИЛОКТЕТА И ВОЗМОЖНОСТЬ НАУЧЕНИЯ ДОБРОДЕТЕЛИ

В. К. ПИЧУГИНА
НИУ «Высшая школа экономики» (Москва)
Pichugina_V@mail.ru

VICTORIA PICHUGINA
HSE University (Moscow)
PHILOCTETES' CAVE AND POSSIBILITY OF TEACHING VIRTUE

ABSTRACT. Plato's cave is one of the most striking and discussed metaphors not only in Plato's philosophy but in philosophy as a whole. However, the image of the cave as a place associated with the acquisition of new knowledge and the affirmation of one's own opinion appears in Sophocles' *Philoctetes*, that is, somewhat earlier than in Plato's *Republic*. The question of why Sophocles places the wounded archer Philoctetes on Lemnos in a cave with two mouths has been debated by scholars on numerous occasions, but the cave's design has most often been explained by the ease of movement of actors on stage or by poetic expediency. Both explanations are vulnerable to evidence, so the question of why Sophocles needed the cave's two mouths has remained controversial for over a hundred years. The presence of the cave two mouths could indeed have been caused by both technical and poetic necessity, but the special structure of the cave could have allowed not only to effectively hide or reveal one or another hero from the audience. It's no coincidence that Sophocles' cave alludes to both the *Odyssey*, which features several significant caves, and the *Iliad*, which also features a diplomatic mission involving Odysseus. Referring to Homeric plot lines, Sophocles makes the cave not just a setting, but a metaphor explaining the complexities of Neoptolemus's moral choice, who, upon arriving on Lemnos, finds himself under the influence of two mentors – Odysseus and Philoctetes. Each has their own arsenal of pedagogical methods for instilling virtue in Neoptolemus, but the success of this indoctrination is called into question when, at the end of the tragedy, Hercules appears—a hero traditionally associated with the choice between virtue and vice.

KEYWORDS: the allegory of the cave, virtue, Plato, Sophocles, Philoctetes.

Трагедия Софокла «Филоктет» (пост. 409 г. до н.э.) являлась оригинальной версией сюжета о судьбе раненого лучника, к которому уже обращались Эсхил (ок. 475 г. до н.э.) и Еврипид (431 г. до н.э.). Уступая в статусе главным героям Троян-

ской войны, Филоктет, тем не менее, был известен театральной аудитории. События из его жизни, на которые в разное время обращают внимание сразу три великих драматурга, происходят в период, который не включен в «Илиаду» и «Одиссею», но не исключен из античной литературной традиции¹. Действие трагедии Софокла происходит на Лемносе, а сюжет предопределен необходимостью принудительного возвращения Филоктета в Трою. При всей кажущейся простоте, вопрос о центральной проблеме трагедии, продолжает оставаться дискуссионным. Среди множества исследовательских мнений, обращаю внимание не те, которые открывают возможность прочтения трагедии Софокла как столкновения двух разных концепций наставничества для юношества.

Первая группа исследований акцентирует внимание на том, что главным в трагедии является переосмысление мира гомеровского героя и его кодекса добродетели. Развитие событий предопределено перипетиями нравственного выбора Неоптолема, акцент на благородной природе которого традиционно не остается без исследовательского внимания. Эта группа исследований позволяет рассматривать трагедию как отражение образовательных идеалов полиса пятого века до н.э. и дискуссий о сущности пайдейи и аρεте, когда на одном полюсе находился Сократ, а на другом – софисты². Вопросы влияния среды и образования рассматриваются Софоклом через призму событий в Трое, оценку которым дает следующее поколение героев, то есть Неоптолем³. Трагедия рассматривается с точки зрения сложности принятия правильного решения (вплоть до возможности ее прочтения как «Bildungsroman» – драмы воспитания)⁴, где юноша раскаивается в совершенной ошибке и возвращается на путь добродетели).

Авторы второй группы исследований считают движущей силой трагедии борьбу за «душу Неоптолема»⁵ или его «духовное путешествие»⁶ под контролем Одиссея и Филоктета, противостояние которых может рассматриваться как борьба за Неоптолема «как сына»⁷. Т. Ван Нортвик считает, что добродетель Неоптолема не просто подвергается испытаниям, а перестраивается, но

---

¹ Подробный анализ сочинений разных авторов о Филоктете в сопоставлении с трагедией Софокла см.: Mandel 1981, 3-45.

² Rose 1976, 49-105; Blundell 1988, 142-148; Carlevale 2000, 26-60; Bromberg 2022, 109-138; Massetti 2022, 14, 17.

³ Gregory 2019, 5.

⁴ Hawkins 1999, 357.

⁵ Masaracchia 1964, 79-98.

⁶ Kitto 2002, 319.

⁷ Whitby 1996, 39.

общепринятая точка зрения игнорирует многочисленные «нравственные или интеллектуальные открытия» юноши⁸. Изменения характера Неоптолема столь сильны, что позволяют некоторым исследователям говорить о нем как герое, который выбирает «образовательную траекторию»⁹, многому научается и взрослеет в ходе трагедии¹⁰.

В рамках этой группы исследований широко обсуждаемой является точка зрения Пьера Видаль-Наке, который предложил рассматривать взросление Неоптолема как ритуальное изменение статуса от эфеба к взрослому¹¹, что позволяет ему в конце трагедии вернуться в Трою в статусе гоплита. Эта точка зрения (при всей ее спорности¹²) делает акцент на том, что Неоптолем проделывает большую внутреннюю работу, а не просто возвращается к своей сущности, будучи временно введенным в заблуждение.

Т. Ван Нортвик подчеркивает, что эта трагедия позволила Софоклу внести вклад в обсуждение одного из животрепещущих вопросов в интеллектуальных спорах того времени: возможно ли научить добродетели или она появляется благодаря благородному рождению¹³. В рамках данной статьи будет предпринята попытка рассмотреть особенности образовательной топографии Софокла, поместившего главных героев трагедии к пещере на Лемносе, где они обмениваются взаимными наставлениями, что, как и затем у Платона, превращает пещеру в яркую метафору.

Пещера с двумя выходами: где учат добродетели? Гомер посвятил Филоклету всего несколько строк, кратко описав выпавшие на его долю страдания и указав, что этот герой, хоть и вынужденно выбыл из похода на Трою, еще сыграет в нем свою роль (Ном. II. II.716-33). Согласно Гомеру, Филоктет был славен искусством владения луком, но ему пришлось прервать участие в военной компании из-за укуса змеи, после которого ахейские вожди оставили воина на Лемносе. Гомер ничего не сообщает о пещере, реакции Филоктета на произошедшее, об оракуле, который указывает на необходимость возвращения Филоктета в Трою, то есть о том, что имеет исключительную важность в трагедии Софокла. Для Гомера же важны статистические (Филоктет как предводитель семи кораблей с триста пятьюдесятью воинами) и топографические (Филоктет как уроженец Мелибеи) аспекты, а не повороты его судьбы.

⁸ Van Nortwick 2015, 118, 119.

⁹ Gregory 2019, 5.

¹⁰ Nussbaum 1976, 25-53; Easterling 1978, 27-39; Fulkerson 2006, 49-61 и др.

¹¹ Vidal-Naquet 1981, 182.

¹² Обсуждение и критику этой позиции см.: Whitby 1996, 35; Rehm 2002, 139; Fulkerson 2006, 56; Gregory 2019, 167-168 и др.

¹³ Van Nortwick 2015, 47.

Яркий образ лучника, брошенного в пещере на необитаемом острове, страдающего от раны и затаившего обиду на ахейских вождей (и особенно на Одиссея) является изобретением Софокла, опиравшегося, в том числе, на «Малую Илиаду». Трагическая топография Софокла не раз привлекала внимание исследователей, которых волновал вопрос, почему Филоктет стал уроженцем Малиды¹⁴ и оказался помещен на безлюдный Лемнос. Соглашусь с тем, что одинокий Филоктет в пещере на Лемносе – это «смелый», «пронзительный» и «столь важный с философской точки зрения» прием, который оказался недооценен не только Дионом Кассием¹⁵, но и современными исследователями.

В первых строках трагедии Одиссей сообщает, что действие будет происходить на Лемносе, где нет никого, кроме Филоктета. Одиссей приказывает Неоптолему найти пещеру, которую, вероятно, помнит с тех пор, как десять лет назад оставил в ней страдающего от раны героя. Внимание как зрителя, так и современного исследователя фокусируется на пещере в скале, к которой можно попасть с пляжа. Неоптолем, повинаясь Одиссею, поднимается по тропинке и начинает осмотр пещеры: юноша видит кучу листьев, которая используется в качестве постели, самодельную деревянную чашу и огниво (Soph. *Phil.* 33-36). Благодаря Неоптолему, действия которого координирует Одиссей, пещера предстает как удобное жилище особой формы¹⁶.

Очевидно, что пещера с двумя входами должна иметь некоторые удобства для ее обитателя, но они не слишком убедительно представлены в описаниях Неоптолема. В начале прошлого века их попытался обобщить Р.К. Джебб в комментарии к переводу трагедии, выдержавшему несколько переизданий: «...утренним солнцем можно было наслаждаться у входа в пещеру, обращенного к морю и ориентированного на юго-восток; в то время как послепопуденное солнце освещало другой вход, обращенный на север или северо-запад»¹⁷. Одиссей, как метко выразился Т. Б. Л. Вебстер, похож на «агента по недвижимости»¹⁸, когда описывает пещеру с двумя входами как хорошее место для проживания¹⁹, рядом с которым находится источник питьевой воды.

---

¹⁴ См.: Mandel 1981, 7.

¹⁵ Mandel 1981, 97.

¹⁶ См. аргументацию в пользу того, что пещера представляет собой естественный туннель в скале: Woodhouse 1912, 270-272.

¹⁷ Цит. по: Woodhouse 1912, 272.

¹⁸ Webster 1970, 68.

¹⁹ Д. Уайлз, однако, указывает на несоответствие строки 1082, где подчеркиваются экстремальные температуры, которые выдерживает пещера, и строки 17-19, где утверждается, что она защищает от таких температур (Wiles 1997, 153).

Неоптолем вторит Одиссею, когда сообщает о том, что на солнце сушатся тляпки для перевязки раны Филоктета (*Soph. Phil.* 38-9), а Одиссей предполагает, что раненый, вероятно, ушел за пищей или лекарственными травами. Кажется, что достаточно благородно было оставить Филоктета в столь удобном месте, если бы не то, что он остался в полном одиночестве и вынужден был сам заботиться о себе. Отсутствие на острове людей и портов (*Soph. Phil.* 2, 221, 302) является «радикальным нововведением», которое противоречит не только Гомеру, Эсхилу и Еврипиду, но и общеизвестным для зрителя Софокла фактам²⁰. Ниже я еще вернусь к этому, но пока хочу лишь подчеркнуть, что необитаемость Лемноса важна для моей дальнейшей аргументации.

Так или иначе, в начале трагедии избыточный акцент на описании пещеры с последующим ее обсуждением героями не могут не броситься в глаза²¹. Как только Одиссей покидает сцену, пещера перестает быть прекрасным местом для жизни раненного: указав на суровые условия существования, Неоптолем приглашает хор осмотреть ее (*Soph. Phil.* 144-6)²². Хор акцентирует внимание на том, что жизнь Филоктета была исключительно выживанием, и его слова повторяет Неоптолем, как будто готовясь ко встрече с тем, кто уже частично утратил человеческий облик (*Soph. Phil.* 162-168). Хор дополнительно усиливает эту тему, одновременно опасаясь и восхищаясь жителем пещеры, когда задает риторический вопрос, как же он выживает в таких условиях (*Soph. Phil.* 176). Пафос изоляции постепенно смягчается благодаря описанию того, что помогло Филоклету выжить (*Soph. Phil.* 275, 279-99), но затем снова нарастает, когда утверждается, что одиночество научило его мириться со страданиями (*Soph. Phil.* 538; 676f). После того как Неоптолем обманывает ожидания островитянина, характеристики пещеры, данные в

²⁰ Rose 1976, 56. См. также сноску 25 на этой же странице с подробным разбором комментариев к указанным строкам Софокла.

²¹ Текстовые источники являются доминирующими в обсуждении назначения двух выходов из пещеры, поскольку визуальные источники о них не сообщают. Однако в них также подчеркивается тема одиночества Филоктета и сложность его пребывания на острове. Укажем на два изображения Филоктета под деревом или среди деревьев, которые склоняются над ним, образуя некоторое подобие укрытия, которое может быть намеком на пещеру. Оба артефакта из коллекции L.A. Milani, *I mito di Filottete*, 1879 и приводятся здесь: Mandel 1981, II, 102. Изображения Филоктета в пещере на керамике разных периодов приводятся и обсуждаются здесь, однако двух выходов нет ни на одном изображении: Taplin 2007, 37, 98-100.

²² П. Роуз обращает внимание на то, что при рассмотрении этих строк (147, 152-157 и 159-160) «возникает почти странная мысль, что Софокл пытался предложить обзор всех возможных греческих терминов для обозначения жилища» (Rose 1976, 59).

начале трагедии, пересматриваются. Филоктет внимательнее присматривается к пришедшему к нему, а зритель – к пещере. Климатический режим пещеры больше не выглядит столь привлекательным (описывается то как жаркая, то как холодная, *Soph. Phil.* 1084), а она сама является не домом, а «помещением», где Филоктет должен умереть от голода, то есть стать жертвой зверей и птиц, которые до этого были его жертвами²³. Раненый лучник больше не защищен пещерой, а заперт в ней (*Soph. Phil.* 1149-55), и этот переход позволяет мыслить пещеру с двумя входами не только и не столько в категориях физической среды пребывания главного героя.

Многочисленные описания суровых условий существования Филоктета и его изолированность чаще всего рассматриваются исследователями как напоминание о «досоциальной борьбе за выживание»²⁴ или указание на «важность человеческих отношений»²⁵. С одной стороны, пещеры были «местом обитания различных существ, нежелательных в цивилизованном мире», таких как чудовища вроде Киклопа, и изгнанников, таких как Филоктет²⁶, а с другой – надежным укрытием для тех, кому предопределена великая миссия (как, например, Зевсу, которого мать спрятала в пещере от Кроноса). Излишний акцент на постепенном возвращении Филоктета от дикости к человечности лишает нас возможности рассматривать пещеру как нечто большее, чем просто временное жилище. Борьба Филоктета за жизнь, в которой ему помогали умение использовать лук и добывать огонь, и изменение траектории его жизни в настоящем под влиянием Неоптолема и Одиссея, как мне кажется, должны оцениваться не столько через призму реального, сколько драматического мира, где пещера может быть яркой метафорой.

Если соглашаться с господствующей точкой зрения, что «Государство» было завершено к 374 г. до н.э., то пещера у Софокла появляется раньше, чем пещера у Платона²⁷. Пещера Платона имеет один широкий вход и место, где

---

²³ Rose 1976, 62.

²⁴ Rose 1976, 58.

²⁵ Hawkins 1999, 342.

²⁶ Ustinova 2009, 2. Обращу внимание также на детальный филологический анализ фрагмента 152-157, где хор спрашивает о жилище Филоктета и местонахождении его пещеры, и Софокл использует не случайное слово для обозначения пещеры, а то, которое применяется «только к пещерам, служащим жилищем (Филоктет) или овчарней (Киклоп)» (Dosuna 2020, 451).

²⁷ В других трудах Платона пещеры почти не упоминаются, равно как почти не упоминаются они и у трагиков. Исключениями являются утраченная трагедия «Антиопа» Еврипида и его сатирическая драма Киклоп, которая, вероятно, была воспринята как пародия на «Филоктета», см.: Davidson 1990, 314.

горит огонь. Значимой в этой пещере является похожая на ширму стена, за которой одни носят то, что отбрасывает тени для других (Pl. Rep. 514a–517d). Пещера Платона была метафорой, которая позволяла философу рассуждать о том, что знание доступно не только избранным, но и всем, кто решится сбросить оковы незнания, выйти из пещеры и увидеть дневной свет. У Платона единственным препятствием для выхода из пещеры являлось «отсутствие образования, которое должно было быть обеспечено идеальным полисом», что сопрягает знание не с религиозным предписанием, а с трудом самосовершенствования²⁸. Пещера Платона по своим характеристикам напоминает обитаемые или регулярно используемые пещеры, расположенные вдоль древних морских путей²⁹. Очевидно, что пещера Платона была ритуальным пространством, а не жилищем отшельника, как мы наблюдаем у Софокла. Однако лиминальный опыт пещеры и ее использование для контроля более старших над молодыми, очевидно, были важны для обоих. Ряд отличий от пещеры Платона не лишают пещеру Софокла возможности быть местом приобретения особого знания или перехода в новое состояние. Кроме того, значимые для Платона выход из пещеры и возвращение в нее, значимы и для Софокла, так как в начале трагедии прибывшие на остров не находят Филоктета в пещере. Он выходит из пещеры за обезболивающим листком (Soph. Phil. 44), а возвращается для того, чтобы в конечном итоге вернуться в Трою.

В отличие от пещеры Платона, пещера у Софокла имеет два выхода. «Настойчивость драматурга»³⁰, который в начале трагедии трижды указывает на это, не может остаться незамеченной (Soph. Phil. 16, 19, 159). Однако наличие именно двух выходов чаще лишь констатируется, чем обсуждается исследователями, поскольку доминирующим долгое время являлся тезис о том, что два выхода были необходимы лишь для удобства передвижения актеров по сцене. Это объяснение отсылает к устройству Одеона, где была поставлена трагедия: «пещера была задумана как своего рода туннель», где второй вход представлял собой невидимую зрителям заднюю дверь, из которой появлялся Филоктет³¹. Давая такое объяснение, Томас Уэбстер опирается на Эми Марджори Дейл, которая безапелляционно свела наличие у пещеры двух входов лишь к техническому удобству реализации постановки: Филоктет должен был выйти из пещеры так, чтобы не было заметно как он в нее

---

²⁸ Zovko 2017, 321.

²⁹ Zovko 2017, 313.

³⁰ Clark 2023, 176.

³¹ Webster 1970, 8.

вошел³². Джеймс Девидсон не соглашается с этим и указывает на исследование Дэвида Робинсона, о том, что оба выхода могли быть видимы зрителю³³.

Обсуждая два выхода из пещеры с точки зрения особенностей организации сценического действия, Девидсон говорит о том, что наличие переднего и заднего выхода позволило бы Софоклу экономно использовать пространство сцены, но ничто не мешало ему использовать ширму, которая что-то закрывает от зрителя. Кроме того, драматург мог легко избежать всех сложностей, потому что «на самом деле нужен только один вход, и он мог бы просто сделать центральную дверь в сценическом здании единственным входом в пещеру»³⁴. Таким образом, подчеркивая неполноту нашего знания об организации театральных постановок, Девидсон открывает возможность для интерпретаций, которые не обязывают объяснять наличие двух выходов исключительно необходимостью на сцене двух дверей.

Несмотря на множество разноплановых аргументов, исследователям так и не удавалось свести наличие двух выходов только к удобству сценического действия или к поэтической целесообразности. Неслучайно Вудхаус более века назад завершил свои рассуждения признанием очевидной «неуклюжести и отсутствия ясности мотива», объясняющего наличие именно двух выходов: «...как будто Софокл, получив свою пещеру, едва ли знал, что с ней делать»³⁵.

В последние годы исследовательская оптика начала меняться, однако вопрос о том, зачем Софоклу была нужна пещера с двумя выходами, продолжает оставаться дискуссионным. Соглашаясь с тем, что наличие двух выходов было ярким спецэффектом для зрителей (вне зависимости от того реализовывалось ли оно с ширмой или без), я бы не хотела сводить особое устройство пещеры Филоктета лишь к этому. Одно из гипотетических предположений о назначении двух входов связывает трагедию Софокла с одноименной трагедией Еврипида, в которой мог также использоваться скрытый вход в пещеру³⁶. Однако, как справедливо подчеркивает Д. Кларк, остается неясным, «какую выгоду Софокл мог получить от этой аллюзии»³⁷. Я еще вернусь к вопросу интерпретаций двух выходов из пещеры ниже, здесь лишь хочу под-

---

³² Dale 1969, 128.

³³ Robinson 1969, 34-56.

³⁴ Davidson 1990, 314.

³⁵ Woodhouse 1912, 273.

³⁶ См.: Müller 1997.

³⁷ Clark 2023, 177.

черкнуть, что пещера Филоктета незаслуженно не рассматривается исследователями как сложный образ, который определяет характер трагического действия, играя на контрасте скрытого и явного.

Пещера с двумя выходами: как учат добродетели? Далее я буду обосновывать то, что мы можем рассматривать наличие двух выходов в пещере как метафору, объясняющую сложности морального выбора Неоптолема, который в начале трагедии заходит в пещеру и попадает под влияние сразу двух наставников – Одиссея и Филоктета, каждый из которых «может чему-то его научить» и по-своему порочен³⁸. Обосновывая свою позицию, я буду опираться на то, что описания пещеры у Софокла являются своеобразным диалогом с Гомером, у которого Одиссей постоянно борется за жизнь, приобретая новое знание (в т.ч. и о самом себе) и утверждая собственное мнение. Пещера, в которой обитает Филоктет, может быть прочитана как намек на пещеру нимф в гавани Форкиса на Итаке, где феаки оставляют спящего Одиссея (Hom. Od. XIII.103-112). Хотя обстоятельства, предшествующие пробуждению разные, Филоктет, как и гомеровский Одиссей, просыпается один в пещере.

В настоящее время известны десятки пещер, посвященных нимфам и Пану, который часто почитался вместе с ними³⁹, однако только пещера на Итаке имела два входа: обращенный на север вход был для смертных и обращенный на юг вход для бессмертных (Hom. Od. XIII.110-1). И, если мы соглашаемся с туннельной композицией пещеры, на которой настаивали Эми Марджори Дейл и Томас Уэбстер, и комментариями о расположении входов относительно севера и юга Джебба, то зрители Софокла видели как Одиссей и Неоптолем находились со стороны входа для бессмертных, а Филоктет появлялся со входа для смертных. До настоящего момента этот вопрос не обсуждался исследователями, рано как и вопрос о том, что, если мы соглашаемся с Джеймсом Девидсоном, который указывал на наличие на сцене ширмы, то такая организация пещеры у Софокла должна обсуждаться и сопоставляться с похожей на ширму стеной в пещере Платона.

Обсуждая возможность сопоставления пещеры Софокла и пещеры нимф на Итаке, современные исследователи указывают на ироничный контекст или намеренный контраст: в пещере на Итаке оставлены богатые дары, а в пещере Филоктета – лохмотья и нехитрые бытовые нужности, которые названы Одиссеем сокровищами (Soph. Phil. 33-39)⁴⁰. Когда герои Софокла обнаруживают пещеру, Одиссей просит Неоптолема быть осторожным, потому

³⁸ Tessitore 2003, 61, 78.

³⁹ См.: Ustinova 2009, 55 n 9.

⁴⁰ Schein 2006, 131; Clark 2023, 177.

что внутри может спать Филоктет (*Soph. Phil.* 30), а Неоптолем констатирует, что в пещере точно кто-то ночует (*Soph. Phil.* 33). Сопоставление спящего в пещере на куче листьев Филоктета и спящего Одиссея, которого в пещере оставляют феаки, вероятно, позволяет зрителю Софокла в самом начале трагедии предположить, что история Филоктета завершится хорошо, и лук будет играть в ней важную роль.

Аналогичное предположение мы можем сделать, если захотим увидеть в Филоктете киклопа Полифема⁴¹, который физически отталкивает и живет в пещере. Первые слова Филоктета, адресованные пришедшим к нему (*Soph. Phil.* 219-21), напоминают о словах киклопа, который также начинал с расспросов, а не с угощения гостей (*Hom. Od.* IX. 252-4). Если первая интерпретация позволяет рассматривать Филоктета как своеобразное «альтер эго» Одиссея, то вторая – как его жертву. Развитие трагического действия показывает, что аналогия с противостоянием Одиссея и Полифема важна для Софокла для описания столкновения цивилизованного и нецивилизованного миров⁴². В «Одиссее» сородичи спрашивали Полифема, силой или хитростью его побеждает Одиссей (*Hom. Od.* IX.406). Этот же вопрос в разных формулировках несколько раз появляется в трагедии, позволяя говорить о пещере с двумя входами как метафоре выбора в пользу того или иного знания или мнения.

Вероятно, пещера Филоктета на Лемносе могла быть собирательным образом пещер из «Одиссеей»⁴³: хотя эти пещеры можно назвать достаточно элитными в сравнении с пещерой Филоктета, Софокл, вероятно, мог противопоставить «посредством пещеры ситуацию и опыт Филоктета и Одиссея как обитателей пещер»⁴⁴. Пещеру Филоктета трудно назвать такой же безопасной и комфортной как те, в которых находился гомеровский Одиссей, однако она позволила раненому лучнику прожить в ней десять лет. На собирательность образа косвенно указывает источник питьевой воды у пещеры Филоктета, который не несет драматической функции, но одновременно напоминает о пещере Калипсо с четырьмя источникам (*Hom. Od.* V.70), пещере киклопа с источником (*Hom. Od.* IX.140-1), и пещере нимф, где также всегда была проточная вода (*Hom. Od.* XIII.109).

⁴¹ См.: Davidson 1995, 28; Van Nortwick 2015, 44.

⁴² Даже если мы рассматриваем тему о реинтеграции и ресоциализации как достаточно маргинальную по отношению к действию трагедии (Kirkwood 1994, 425).

⁴³ Или в более широком контексте намеков на пейзажи, встречавшиеся Одиссею во время его странствий в «Одиссее», и его заточение на острове Калипсо, где в пещере герою хоть и не требовалось бороться за жизнь, но можно было любоваться огнем (Davidson 1995, 25, 28, 29).

⁴⁴ Davidson 1995, 30.

Намеки на гомеровского Одиссея возникают, когда мы рассматриваем пещеру с двумя входами с точки зрения не того, кто в ней обитает, а тех, кто приходит в нее. Если пещера Софокла прямо отсылает к «Одиссее», где было несколько значимых для развития событий пещер, то намек на «Илиаду» более тонкий и связан с целью посещения пещеры. Одиссей в трагедии Софокла является дипломатическим представителем, который отправлен к тому, кто сопротивляется нужному для всех ахейских вождей решению. Дипломатическая миссия с участием Одиссея напоминает о посольстве к Ахиллесу, которое не завершилось успехом. Ахиллес выбрал добровольное удаление от соратников, а одиночество Филоктета являлось вынужденным, но в обоих случаях речь шла о том, что тех, кто оказывает сопротивление решению большинства, нужно переубедить и вернуть на поле боя. Все это позволяет предположить, что у Софокла пещера занимает промежуточное положение между «Илиадой» и «Одиссеей», и ее обсуждение в начале трагедии необходимо для того, чтобы до конца сохранить интригу: победившим или проигравшим окажется Одиссей?

Кларк, к исследованию которого я уже обращалась выше, выдвигает следующую гипотезу: второй вход в пещеру нужен драматургу не только для того, чтобы обеспечить эффектный первый выход Филоктета из пещеры (Soph. *Phil.* 219), но и для того, чтобы Одиссей не менее эффектно мог в нее войти (Soph. *Phil.* 974; 1293-4). На первый взгляд эта гипотеза снова связывает особое устройство пещеры со сценическим действием, однако аргументация Кларка несколько выходит за привычные рамки обсуждения пещеры с двумя входами. Указав на строки 952 и 1262, где упоминается о двух входах в пещеру, он обосновал то, что Одиссей дважды незаметно входит через один из входов, а затем выходит через другой, и это является указанием на использование им «скрытых приёмов»⁴⁵.

Мы можем предположить, что Софокл помещает Неоптолема в моральную пещеру, у одного из выходов которой стоит желающий наставить юношу Одиссей, а у другого – Филоктет. Неоптолем, который вынужден выбирать между Одиссеем и Филоктетом, действительно часто рассматривается современными исследователями как выбирающий между прямолинейным благородством Ахиллеса (традиционными ценностями), за которое выступает Филоктет, и хитроумной ловкостью Одиссея (их софистической альтернативой)⁴⁶. Однако, как я постараюсь доказать далее, Неоптолем не столько принимает конкретную позицию, сколько учится лавировать между

⁴⁵ Clark 2023, 178.

⁴⁶ Schein 2006, 129; Van Nortwick 2015, 47; Gregory 2019, 169.

ними, позволяя зрителю задуматься о разных концепциях наставничества для юношества. Их особенность заключается в том, что они не сводятся к простой формуле: всему плохому Неоптолема научает Одиссей, а всему хорошему – Филоктет. Как справедливо подчеркивает Дж. Грегори, Софокл намеренно не создает «симметричную драму», и его Филоктет не является полной противоположностью Одиссею – «учителем, который говорит ученику правду, а не вводит его в заблуждение, обращает его к добродетели, а не к пороку, и чьи наставления производят не временное, а постоянное впечатление» – потому что раненый лучник использует «язык и тактику, поразительно напоминающие язык и тактику Одиссея»⁴⁷. Таким образом, Неоптолем, оказавшись в моральной пещере, постепенно начинает понимать, что у одного выхода его ждет напоминающий Филоктета Одиссей, а у другого – напоминающий Одиссея Филоктет.

Значимым для понимания положения Неоптолема, является то, что «реальность Лемноса не предлагает ему устойчивой парадигмы поведения», ему «трудно придерживаться личного мнения» и нужно «выбирать между двумя возможными мнениями, которые уже не могут сосуществовать в его душе»⁴⁸. Лемнос, где нет портов и людей, и куда нельзя приехать ради выгоды или комфорта, оригинальным образом объясняет нам внутренний мир Неоптолема, который предстает как своеобразный «чистый лист» – тот, кто пока не имеет нужного знания и не в состоянии принять решение без опоры на окружающих. Поиск Неоптолемом нужного выхода из моральной пещеры может рассматриваться как переживание «затяжного кризиса нерешительности»⁴⁹, который достигает пика во фразах Неоптолема⁵⁰: «Что ж делать мне теперь?..»; «Что ж мне делать?» (*Soph. Phil.* 895; 896; пер.С. Шервинского). Особенности образовательной топографии Софокла, как мне кажется, заключается в том, что Неоптолем в итоге не выбирает какой-то один, а использует оба выхода из пещеры, научаясь приобретать нужное ему знание и утверждать собственное мнение.

Обсудим выходы из моральной пещеры подробнее, определив особенности двух концепций наставничества как разных способов приобщения юношества к добродетели. В начале трагедии Одиссей использует слово «σοφός» и его производные, когда говорит, что собирается руководствоваться хитростью (σοφίσμα, *Soph. Phil.* 13-4) и разработал план, но реализовывать его и действовать

⁴⁷ Gregory 2019, 179-180.

⁴⁸ Ciruzzi 2022, 13, 14.

⁴⁹ Whitby 1996, 34.

⁵⁰ См.: Nugent 2024.

хитро (δεῖ σοφισθῆναι, *Soph. Phil.* 77) придется Неоптолему⁵¹. От последнего требуется полное послушание и принятие наставлений Одиссея, которые следует считать отеческими. Одиссей утверждает, что возможность разрешения ситуации с Филоктетом кроется не просто на уровне слов, а на уровне хитрых слов. Далее трагическое действие будет развиваться таким образом, что приобщение юноши к добродетели будет осуществляться не только через «диалогическое общение», но и через «участие или наблюдение за важными событиями»⁵².

Одиссей как будто использует сократический метод⁵³, уточняя определения ключевых понятий⁵⁴, без понимания которых дальнейшее приобщение Неоптолема к новому типу добродетели будет невозможно. Сначала Одиссей защищает использование хитрости (*Soph. Phil.* 101) и обмана (*Soph. Phil.* 111), если они приносят выгоду, а затем констатирует, что иных средств и быть не может, потому что Филоктета нельзя убедить или взять силой (*Soph. Phil.* 102-3). Неоптолем, как и многие собеседники Сократа из диалогов Платона, начинает речевое сопротивление. Он говорит, что это похоже на принуждение к ложу, что позорно. Тогда Одиссей соблазняет Неоптолема славой взятия Трои и репутацией доблестного воина и мудреца, и юноша быстро соглашается. И, если сопоставлять взросление Телемаха и взросление Неоптолема, то можно сказать, что оба покинувшие дом юноши постепенно обретают силу сказать «нет» тем, кто старше и опытнее их. Оба учатся достаточно быстро и борются за утверждением собственного мнения⁵⁵.

Согласно А. Таусиани, Одиссей с первых строк трагедии отбрасывает как нежизнеспособную стратегию честного убеждения, добивается некоторого успеха, играя на подчиненном положении Неоптолема и используя лесть, но в итоге его всегда успешная в драматическом мире риторика обмана терпит неудачу⁵⁶. Она указывает на точку зрения Малкольма Хита, согласно которой Одиссей у Софокла не предпринимает попыток «убедить кого-либо в чём-

⁵¹ О концепции σοφία у Софокла, см.: Montiglio 2011, 8.

⁵² Whitby 1996, 34.

⁵³ Или же, напротив, отказывается от сократического метода в пользу искусства убеждения с «ошеломляющим арсеналом аргументации: требования долга и общественного блага, прагматический реализм, личный интерес» (Hawkins 1999, 344).

⁵⁴ Т. Ван Нортвик называет это «уточнением словаря обмана» (Van Nortwick 2015, 47).

⁵⁵ Телемах не знает, как начать разговор с Нестором (*Hom. Od.* III.23), а затем вежливо отвергает как предложение Менелая остаться, так и его подарок (*Hom. Od.* IV.593-608); Неоптолем принимает план Одиссея (*Soph. Phil.* 120), а затем готов с ним сразиться, чтобы этот план не был реализован (*Soph. Phil.* 1257)

⁵⁶ Taousiani 2011, 426-428.

либо»⁵⁷, и делает вывод о том, что Одиссей не обосновывает выбор стратегии обмана и не предлагает оправдание своего плана. Аргументация кажется несколько спорной, потому что делать что-то и потерпеть неудачу и не делать и быть названным неудачником – это две разные вещи. Одиссей в трагедии Софокла действительно не поет оду обману, а просто использует его. Кроме того, Дж. Грегори, указывает на то, что Одиссей должен был бы научить Неоптолема тонкостям стратегии обмана, но таких наставлений нет ни в прологе, ни где-либо еще в трагедии⁵⁸. Филокету хочется верить, что Одиссей научил Неоптолема всему дурному (*Soph. Phil.* 971-2), но юноша, скорее всего, опирается на уже имеющийся опыт и знания, которые он получил от царя Ликомеда на Скиросе⁵⁹.

В этот момент Неоптолем напоминает Одиссея, который во время пребывания у феаков был вынужден демонстрировать особую речевую стратегию, объединяющую правду и обман, чтобы в конце концов они доставили его в пещеру с двумя выходами. Это напоминание уже не позволяет однозначно утверждать, что Неоптолем – всего лишь невинный юноша, которого Одиссей намеренно выбрал, чтобы сделать своим инструментом⁶⁰. Неоптолем не в меньшей степени выбирает Одиссея (то есть его путь научения добродетели), чем Одиссей выбирает Неоптолема. Диалоги Одиссея и Неоптолема о захвате Филоктета показывают, что юноше не хотелось бы лгать, но выгода от лжи является очень привлекательной, потому что в долгосрочной перспективе его репутация не пострадает. Одиссей дает возможность выбора, от которой юноша отказывается, когда прямо говорит Неоптолему, что его задача – стать частью плана по обману Филоктета, то есть научиться использовать слова как инструмент достижения нужной цели. Иными словами, Неоптолем должен будет «подгонять свою речь» под собеседника, что является «особым типом знаний», который успешно демонстрирует Одиссей⁶¹. Обсуждая это, Сет Л. Шайн напоминает о словах Фукидида о войне как жестоком учителе, который «приводит страсти большинства людей в соответствие с текущими ситуациями» (*Thuc.* III.82.2). Шайн предлагает рассматривать действия и ценности Одиссея с точки зрения того, что он является посредником этого жестокого учителя.

---

⁵⁷ Heath 1999, 146.

⁵⁸ Gregory 2019, 185-186.

⁵⁹ Gregory 2019, 171.

⁶⁰ Van Nortwick 2015, 117.

⁶¹ Ciruzzi 2022, 8.

Говоря об особенностях этого посредничества, мы не можем не учитывать, что «на протяжении всей пьесы Одиссей свободно и успешно приписывает Неоптолему те же желания и критерии (слава, безопасность, победа), которыми обладает сам»⁶². Однако то, что названо А. Таусиани эгоизмом и эмоциональной близорукостью Одиссея-наставника, может быть рассмотрено как особая стратегия наставления. Дж. Грегори указывает на то, что в этой трагедии Одиссей выступает в роли «учителя новичков» – юношей, которые, как и Неоптолем, являются новичками «на войне» и «в моральных дилеммах»⁶³. И в арсенале педагогических методов Одиссея находится не только обман: Одиссей, по ее мнению, «мастер темпа», излагающий свой план порциями и выдающий важную информацию в нужный момент, а также тот, кто виртуозно убеждает в необходимости повиноваться приказам и разыгрывает «карту старшинства», когда убеждает в том, что он старше, а значит мудрее⁶⁴. Виртуозность переходов впечатляет, когда Одиссей наставляет Неоптолема, подчеркивая, что сам в его годы не был искусен во владении словом, но был силен; теперь же – с высоты лет – Одиссей утверждает, что именно слова, а не дела определяют все (*Soph. Phil.* 96-99). Перед Одиссеем стоит «педагогическая задача – сделать Неоптолема “мудрым” таким же образом, каким мудр он сам», то есть приобщить к тому, что Аристотель позже назовет «практическим благоразумием»⁶⁵.

Филоктет также является наставником с особым арсеналом педагогических методов для приобщения Неоптолема к добродетели. Одиссей в прологе являет стратегию преподнесения молодому человеку «мудрого знания ветерана»⁶⁶, которую частично использует и Филоктет в диалоге с Неоптолемом об Аяксе, Антилохе, Патрокле и Ахиллесе. Особенность взаимодействия наставника-островитянина и его ученика в том, что Неоптолем демонстрирует знания о судьбах этих героев, а Филоктет комментирует их качества, чередуя героев с теми, кого он считает злодеями, и «Одиссей занимает видное место в обоих эпизодах, будь то герой или злодей»⁶⁷. Филоктет обозначает для Неоптолема следующую оппозицию: разумность Одиссея, использующего речи для злых дел (*Soph. Phil.* 407-9), и разумность Нестора, сдерживающего речами злые дела (*Soph. Phil.* 422-3). Филоктет спрашивает об ужасном и искусном в речах человеке (*Soph. Phil.* 440), где слово «σοφός» предполагает «некоторые

⁶² Taousiani 2011, 441.

⁶³ Gregory 2019, 167-168.

⁶⁴ Gregory 2019, 176, 177-178, 179.

⁶⁵ Hawkins 1999, 343, 344.

⁶⁶ Carlevale 2000, 40.

⁶⁷ Whitby 1996, 33.

практические знания», и, хоть речь идет не об Одиссее, указывает именно на него⁶⁸. В начале трагедии утверждающий себя в качестве наставника, Одиссей разрешил Неоптолему говорить о нем плохо, чтобы завоевать расположение Филоктета (*Soph. Phil.* 64-7), и вот для демонстрации этих практических знаний наконец наступил подходящий момент.

Вопрос о том, являются ли намеренной ложью речи Неоптолема, обличающего Одиссея и выражающего обиду на греческих вождей (*Soph. Phil.* 385-390), является дискуссионным. Если да, то Неоптолем – всего лишь тот, кто действует по заранее разработанному сценарию обмана, однако в тексте трагедии нет указаний ни на истинность, ни на ложность слов юноши. Так или иначе, в речах Неоптолема можно увидеть вызов всему обществу, которое поощряет «неправильное образование молодёжи»⁶⁹, а в речах Филоктета – вызов всем наставникам, далеким от Нестора и подобным Одиссею. Обсуждая это, Л. Чируцци говорит об особой кинетике диалога Филоктета с Неоптолемом, в котором преобладают глаголы движения и акценты на переход «из внутреннего во внешнее»⁷⁰. Филоктет, по сути, спрашивает Неоптолема, какой путь он выберет и как планирует двигаться по нему. Неоптолем, осознавший, что отказ от плана Одиссей – это лишь половина дела, и нужен свой план, отвечает Филоктету: «Я не знаю» (=«Я не знаю, куда мне идти...») (*Soph. Phil.* 897). Кажется, что именно в этот момент начинает в полной мере работать образ пещеры с двумя выходами: Неоптолем, у кого изначально было два выхода из ситуации, вдруг осознает, что ситуация безвыходная. Парадоксальность ситуации в том, что он начинает быть похожим на Филоктета, который очень долго прожил в пещере с двумя выходами, но ни через один из них не мог покинуть пещеру, чтобы попасть туда, где он действительно хотел быть.

Неоптолем при участии переодетого в купца моряка разыгрывает перед Филоктетом сцену (*Soph. Phil.* 542-626). Сначала ему сообщают, что якобы Агамемнон и Менелай отправлены, чтобы вернуть Неоптолема с оружием его отца в Троию, а Одиссей с Диомедом – Филоктета с его луком. Переодетый моряк усиливает эффект, рассказывая, как пророк Гелен сообщил грекам, что они никогда не возьмут Трою, если с ними не будет Филоктета. У Софокла, также как и во многих трагедиях, пророчество не явлено в полном объеме. Поэтому события после явления оракула должны оцениваться с поправкой

---

⁶⁸ Ciruzzi 2022, 8.

⁶⁹ Carlevale 2000, 30.

⁷⁰ Ciruzzi 2022, 11, 12.

Когда переодетый в купца моряк сообщает, что Феникс и сыновья Тесея отплыли в погоню за Неоптолемом, тот спрашивает, силой или словами они планируют его вернуть (Soph. Phil. 563). Если для Неоптолема существует альтернатива, то для Филоктета ее, кажется, нет⁷²: виртуозный словесный спектакль, который разыгрывают купец и Неоптолем, необходим, чтобы обозначить, что Филоктета нужно вернуть убедительными речами, но в случае необходимости Одиссей поклялся применить силу (Soph. Phil. 603-21). Далее не раз будет указано, что Неоптолем и Одиссей силой⁷³ хотят вернуть Филоктета (Soph. Phil. 945-6; 984-85; 987-88). После того как Филоктет узнает от купца, что Одиссей намерен взять его добровольно или принудительно (Soph. Phil. 617-8), он решительно заявляет, что уговорить его не удастся: «Учитывая его всепоглощающую ненависть к Одиссею, Филоктет разумно отказывается даже думать о возможности убеждения (πεισθῆσομαι) через столь отвратительного посредника»⁷⁴.

Приобщающий к добродетели Филоктет, помогает Неотолему принять нужное решение, говоря, что тот не злой по своей природе, а просто пришел к нему, научившись постыдным вещам от злых людей (*Soph. Phil.* 971-2). И именно в этот момент появляется Одиссей, которого не было на протяжении восьмиста строк. Начинается новый раунд борьбы за душу Неотолема, когда Филоктет просит вернуть ему лук, а Одиссей запрещает это делать. Неоптолем, уставший от словесной дуэли героев, в конце концов решает противостоять Одиссею и хочет помочь Филоктету покинуть остров. Объясняя свои мотивы, Неоптолем говорит, что поступил неправильно, а Одиссей уточняет,

⁷¹ Здесь я соглашаюсь с Брайаном Д. Макфи, который подчеркивает, что оракул у Софокла является условным: Филоклет и Неоптолем действуют свободно в отсутствии принуждения со стороны богов (McPhee 2024, 527-547).

⁷² Вопрос о силе или хитрости постепенно будет снят Софоклом. В конце трагедии «мы видим, чего не увидели бы, если бы хитрость или сила увенчались успехом, что поход в Трою не только необходим для заговора, но и выгоден Неоптолему и Филоклету, которые также укрепили свою дружбу, приняв каждый трудное решение: один – действовать против собственной воли в интересах другого, а другой — довериться тому, кто его предал» (Fulkerson 2006, 59).

⁷³ Вопрос о применении силы неизбежно возвращает к эпизоду из прошлого Одиссея, которого принудили отправиться в Трою, о чем напоминает Филотет, говоря, что сын Лаэрта поплыл в Трою «укрошенный хитростью и необходимостью» (*Soph. Phil.*₁₀₂₅).

⁷⁴ Taousiani 2011, 439.

в чем именно была неправильность (*Soph. Phil.* 1224-5). Анализируя эти строки, Т. Ван Нортвик подчеркивает, что хоть это часто и переводится как «потерпеть неудачу», более точное значение – «промахнуться» оружием⁷⁵. Однако понять, ложью или правдой являются сказанные Неоптолемом Одиссею слова о промахе, также сложно, как и сказанные Неоптолемом ранее слова об Одиссее и всех греческих вождях. Результативная сторона научения Неоптолема добродетели, кажется, волнует Софокла куда меньше процессуальной, поэтому Геракл и появляется в образе *deus ex machina*, избавляя юношу от необходимости отвечать за свои слова и дела.

После четкого указания Гераклом на то, что Филоктет должен отправиться в Трою, островитянину ничего не остается как попрощаться с Лемносом. Кларк, анализируя фрагменты, где прямо указывается или подразумевается наличие двух выходов из пещеры, обращает внимание на особенности этого прощания. Согласно Кларку, это одно из мест, где нет упоминания о двух выходах, но оно было бы уместно по поэтическим причинам, так как Филоктет навсегда покидает свое жилище⁷⁶. Моя гипотеза об особом устройстве пещеры позволяет так объяснить это: указания на два выхода нужны драматургу, чтобы подчеркнуть, что Неоптолем находится в пространстве «альтернативных вариантов действий: один – ведущий к славе ценой принципа, а другой – к принципу ценой славы»⁷⁷. После появления Геракла этого пространства больше нет, и процесс научения добродетели завершен.

Пещера с двумя выходами: можно ли научить добродетели? Внутренний конфликт Неоптолема, который наблюдает аудитория Софокла, начинается тогда, когда Одиссей поручает ему решить дело с Филоктетом словами и достигает пика, когда юноша не просто не знает, что говорить, но и как действовать. Переход от слов по обстоятельствам к поступкам по обстоятельствам, на значимость которых так настаивает хор, оказывается для него непосильной задачей, которая образно похожа на нерешительное стояние внутри пещеры с двумя выходами.

Произошедшее с Неоптолемом, который в начале трагедии вошел в пещеру по приказу Одиссея, может быть рассмотрено и как «воспоминание» о том, что уже известно, подобное тому, которое позже будет описано в платоновском Меноне⁷⁸; то, что позволяет ответить на его вопрос, что нужно де-

---

⁷⁵ Van Nortwick 2015, 74.

⁷⁶ Clark 2023, 180.

⁷⁷ Gregory 2019, 166.

⁷⁸ Kieffer 1942, 49.

лать. Кроме того, в платоновском «Меноне» Сократ взял на себя миссию помочь людям научиться отличать знание, которое достигается через обучение, от мнения, которое утверждается путем сопоставления с мнениями других⁷⁹. Он предлагает войти в моральную пещеру, а затем научиться выходить из нее, признав, что добродетель в пещере не имеет объективного критерия: «Поэтому в пещере единственное, что можно сделать (и, с точки зрения Сократа, следовательно, и необходимо сделать), — это противопоставить одно мнение другому, чтобы выяснить, какое из них лучше всего согласуется с глубочайшими человеческими стремлениями и убеждениями»⁸⁰. Кажется, что пещера с двумя выходами в полной мере соответствует критериям появившейся чуть позже платоновской пещеры, когда герои Софокла ищут и не находят критерии для добродетели в условиях необходимости возвращения Филоклеты в Трою.

Помещенный в моральную пещеру Неоптолем благодаря Одиссею и Филоклету учится приобретать нужное ему знание и утверждать собственное мнение, постоянно выбирая между двумя «выходами». Однако ученичество Неоптолема происходит в условиях, когда почти каждому его решению или действию может быть противопоставлено еще одно решение или действие. В тот момент, когда Неоптолем наконец-то принимает самостоятельное решение и хочет действовать, появляется Геракл, который утверждает божественное решение и единственно верный план действий. Геракл дает скрытую оценку тому, приобщился ли Неоптолем добродетели, указывая, что вне зависимости от того, отправится ли Филоклет в Трою добровольно или по принуждению, будущее Неоптолема предопределено. Предупреждение Геракла о том, что в Трое нужно будет уважать богов (*Soph. Phil.* 1440-4), является не только намеком на жестокое убийство Приама у алтаря, которое совершит Неоптолем. Геракл, который, согласно аллегории Продика, в юношестве сделал выбор в пользу добродетели, дает понять, что однажды сделать выбор сложно, но всегда идти по пути добродетели еще сложнее.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Blundell, M. W. (1988) "The Physis of Neoptolemus in Sophocles' *Philoctetes*", *Greece and Rome* 35, 137-48.
- Bromberg, J.A. (2022) "Aretē in Greek Tragedy", in Heather L. Reid and John Serrati, eds. *Ageless Aretē: Selected Essays from the 6th Interdisciplinary Symposium on the Hellenic Heritage of Sicily and Southern Italy*. Parnassos Press – Fonte Aretusa, 109-138.

⁷⁹ Weiss 2001, 4,6,9.

⁸⁰ Weiss 2001, 62.

- Carlevalle, J. (2000) "Education, "Phusis," and Freedom in Sophocles' "Philoctetes", *Arion: A Journal of Humanities and the Classics* 8(1), 26-60.
- Ciruzzi, L. (2022) "La indecisión de Neoptólemo en el Filoctetes de Sófocles. Una lectura filosófica", *Revista Archai* 32, e03209. https://doi.org/10.14195/1984-249X_32_09
- Dale, A.M (1969) "Seen and unseen on the Greek stage", In *Collected Papers*, London: Cambridge University Press, 119–129.
- Davidson, J. F. (1990) "The Cave of Philoctetes", *Mnemosyne, Fourth Series* 43(3/4), 307-315.
- Davidson, J. (1995) "Homer and Sophocles' Philoctetes", *Bulletin of the Institute of Classical Studies. Essays in Ancient Drama in honour of E. W. Handley*. Supplement 66, Essays in Ancient Drama in honor of E. W. Handley, 25-35.
- Dosuna, J. (2020) "El significado del adjetivo ἐναυλος en Sófocles, Filoctetes 158 y en Eurípides, Fenicias 1573", *Fortvnatae* 32, 449-457.
- Easterling, P. E. (1978) "Philoctetes and Modern Criticism", *Illinois Classical Studies* 3, 27-39.
- Fulkerson, L. (2006) "Neoptolemus grows up? 'Moral development' and the interpretation of Sophocles' "Philoctetes"", *The Cambridge Classical Journal* 52, 49-61.
- Gregory, J. (2019) *Cheiron's way: youthful education in Homer and Tragedy*. Oxford: Oxford University Press.
- Hawkins, A.H. (1999) "Ethical Tragedy and Sophocles' "Philoctetes"", *The Classical World* 92(4), 337-357.
- Heath, M. (1999) "Sophocles' Philoctetes: a problem play", in J. Griffin, ed. *Sophocles Revisited: Essays Presented to Sir Hugh Lloyd-Jones*. Oxford: Oxford University Press, 137–60.
- Kieffer, J.S. (1942) "Philoctetes and Arete", *Classical Philology* 37(1), 38-50.
- Kirkwood, G.M. (1994) "Persuasion and Allusion in Sophocles' "Philoctetes"", *Hermes* 122(4), 425-436.
- Kitto, H. D. F. (2002) *Greek Tragedy: A Literary Study*, 2d ed. London-NY: Routledge.
- Knox, B. M. W. (1964) *The Heroic Temper. Studies in Sophoclean Tragedy*. Berkeley: University of California Press.
- Mandel, O. (1981) *Philoctetes and the fall of Troy: Plays, Documents, Iconography, Interpretations: Including versions by Sophocles, Andre Gide, Oscar Mandel, and Heiner Müller*. Lincoln-London: University of Nebraska Press.
- Masarachchia, A. (1964) "La scena dell'emporos nel Filottete di Sofocle," *Maia* XVI, 79-98.
- Massetti, L. (2022) "Ageless Aretē: How Old is it?", in Heather L. Reid and John Serrati, eds. *Ageless Aretē: Selected Essays from the 6th Interdisciplinary Symposium on the Hellenic Heritage of Sicily and Southern Italy*. Parnassos Press – Fonte Aretusa, 9-28.
- McPhee, B. (2024) "The Conditionality of Helenus' Oracle and Tragic Choice in Sophocles' Philoctetes", *Mnemosyne* 78(3), 527–547.
- Montiglio, S. (2011) *From Villain to Hero: Odysseus in Ancient Thought*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Müller, C.W. (1997) *Philoktet: Beiträge zur Wiedergewinnung einer Tragödie des Euripides aus der Geschichte ihrer Rezeption*. Stuttgart: De Gruyter.

- Nugent, G. (2024) "'What Shall I Do?': Choice-making and Sophocles' Philoctetes'", in Myrto Aloumpi and Antony Augoustakis, eds. *LUX: Studies in Greek and Latin Literature: in honor of Lucia Athanassaki*. Berlin-Boston: De Gruyter, 411-424.
- Nussbaum, M. C. (1976) "Consequences and Character in Sophocles' Philoctetes", *Philosophy and Literature* 1, 25-53.
- Rehm, R. (2002) *The Play of Space. Spatial Transformation in Greek Tragedy*. Princeton: Princeton University Press.
- Robinson, D.B. (1969) "Topics in Sophocles' Philoctetes", *The Classical Quarterly* 19(1), 34-56.
- Rose, P.W. (1976) "Sophocles' Philoctetes and the Teachings of the Sophists", *Harvard Studies in Classical Philology* 80, 49-105.
- Schein, S.L. (2006) "The Iliad & Odyssey in Sophocles' Philoctetes: generic complexity and ethical ambiguity", *Bulletin of the Institute of Classical Studies* 87, 129-140.
- Taousiani, A. (2011) "Ὁν μὴ πειθεῖται: persuasion versus deception in the prologue of Sophocles' Philoctetes", *The Classical Quarterly* 61, 426-444.
- Taplin, O. (2007) *Pots and Plays. Interactions between Tragedy and Greek Vase-painting of the Fourth Century BC*. Los Angeles: Getty Publications.
- Tessitore, A. (2003) "Justice, Politics, and Piety in Sophocles' Philoctetes", *The Review of Politics* 65(1), 61-88.
- Ustinova, Y. (2009) *Caves and the Ancient Greek Mind. Descending Underground in the Search for Ultimate Truth*. Oxford: Oxford University Press.
- Van Nortwick, T. (2015) "Philoctetes: The Creature in the Cave", in *Late Sophocles: The Hero's Evolution in Electra, Philoctetes, and Oedipus at Colonus*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 43-80.
- Vidal-Naquet, P. (1981) "Sophocles' Philoctetes and the Ephebeia", in J.-P. Vernant and P. Vidal-Naquet, *Tragedy and Myth in Ancient Greece*. Brighton and Atlantic Highlands: Harvester Press, 175-99.
- Webster, T.B.L. (1970) "Commentary", in T.B.L. Webster, ed. *Sophocles Philoctetes*. Cambridge: Cambridge University Press, 66-160.
- Weiss, R. (2001) *Virtue in the cave: moral inquiry in Plato's Meno*. New York: Oxford University Press.
- Whitby, M. (1996) "Telemachus Transformed? The Origins of Neoptolemus in Sophocles' Philoctetes", *Greece and Rome* 43(1), 31-42.
- Wiles, D. (1997) *Tragedy in Athens: Performance Space and Theatrical Meaning*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Woodhouse, W.J. (1912) "The scenic arrangements of the Philoctetes of Sophocles", *The Journal of Hebrew Scriptures* 32, 239-249.
- Zovko, M.-É. (2017) "Of Caves, Lines, and Sea Travels: Plato's Syracusan Voyages and the Central Analogies of the Republic", in Heather L. Reid, Davide Tanasi and Susi Kimbell, eds. *Politics and Performance in Western Greece: Essays on the Hellenic Heritage of Sicily and Southern Italy*. Parnassos Press – Fonte Aretusa, 313-328.